

А.А. Бондаренко, В.Л. Мельников

Н.К. РЕРИХ – СТУДЕНТ ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

К числу выдающихся деятелей российской и мировой культуры XX столетия по праву относят художника, мыслителя и социального реформатора Николая Константиновича Рериха. В этом выпуске вестника мы публикуем фрагмент исторического исследования малоизученного периода жизни Н.К. Рериха, связанного с обучением в Петербургском университете (От ред.).

В приводимых дневниковых записях не раз звучали фамилии универсантов – профессоров и студентов. Остановимся на них несколько подробнее, обозначив сперва круг юридического факультета.

В записи 15 октября 1894 г. упомянут *Сергей Александрович Бершадский* (1850-1896), профессор кафедры энциклопедии и истории философии права, в то время, очевидно, являвшийся большим авторитетом для Рериха. В 1893/1894 учебном году Рерих записался на его курс «Энциклопедия права». В майских записях за 1895 г. также упомянуты *Василий Николаевич Латкин* (род. 1858), ординарный профессор, читавший в Университете лекции по истории русского права¹, и *Николай Михайлович Коркунов* (1853-1904), профессор кафедры государственного права, читавший курсы общей теории права и русского государственного права².

В 1937 г. Николай Константинович вспоминал профессоров, чьи лекции он посещал. В очерке «Университет» он писал: «Слушал Платонова, Веселовского, Кареева, иногда Брауна. Из юристов – Сергеевича, Фойницкого. На государственном экзамене Ефимов, уже знавший моего «Гонца», спрашивает: «На что вам римское право, ведь, наверно, к нему больше не вернётесь?» Был прав, но всё же история русского права и римское право остались любимыми. Жаль, что философию права читал Бершадский – как горох из мешка сыпал. Коркунов иногда бывал увлекателен».

Отмеченный Рерихом *Иван Яковлевич Фойницкий* (1847-1913), выпускник юридического факультета, профессор по кафедре уголовного права, в мае 1896 г. удостоился звания заслуженного ординарного профессора. В 1897-1899 гг. И.Я. Фойницкий был деканом юридического факультета. Выдающийся криминалист, в годы учёбы Рериха он читал два базовых курса: общий уголовного права для студентов административного разряда и специальный по тюремоведению для всех студентов. Как свидетельствуют документы из университетского архива, Рерих записался на его курс «Учение о наказании», который и посещал в течение всего 1895/1896 учебного года; весной 1897 г. Рерих пожелал прослушать ещё один его курс – «Уголовное судопроизводство»³.

Фойницкий всегда деятельно участвовал в заседаниях Учёного совета Университета, входил в Государственную испытательную комиссию при Петербургском университете, несколько раз исполнял обязанности председателя этой комиссии при провинциальных университетах. Как сообщает «Биографический словарь Брокгауза и Ефрона», именно по инициативе Ивана Яковлевича при Санкт-Петербургском университете был учрежден Кабинет уголовного права, в состав которого входили Музей уголовного права, наглядно знакомящий с исполнением наказания, преимущественно лишения свободы (в основание его легли предметы, фигурировавшие на выставке, устроенной для Санкт-Петербургского Международного пенитенциарного конгресса 1890 г., и пожертвованные после выставки разными государствами русскому правительству) и собственно кабинет, состоящий из библиотеки по уголовному праву и помещения для занятий студентов. В этих необычных и поучительных экспозициях и кабинетах многократно приходилось заниматься Рериху-студенту.

Ещё один упомянутый Рерихом преподаватель – *Василий Владимирович Ефимов* (1857-1902), читавший любимый Рерихом курс – «Догма римского права»⁴. Выпускник юридического факультета, он был первым – и во времена Рериха единственным – профессором, приобретшим степень доктора гражданского права и занявшим кафедру римского права без поездки в иностранные университеты. «На 6-й неделе [Великого поста] буду держать догму, а ещё и недели нет, ну, в полторы недели подготовлюсь», – так уверенно Рерих записывает в своём дневнике о будущем экзамене профессора В.В. Ефимова (10 марта 1895).

Неизгладимый след в памяти Н.К. Рериха оставили лекции *Анатолия Фёдоровича Кони* (1844-1927), известного судебного деятеля и писателя, в прошлом универсанта, одного из учредителей Юридического общества при Петербургском университете. На протяжении многих лет его лекции, как и вообще любые его публичные выступления, были весьма популярны в русском обществе и особенно среди студенческой молодёжи. Рерих тоже отдал дань увлечения речами Кони и спустя годы вспоминал о нём с удивительной теплотой, называя «мудрым юристом». Как отмечал один из биографов Кони, «обширная, не ограничивающаяся специальной областью знаний эрудиция, при счастливой памяти, давала ему обильный материал, которым он умел пользоваться как художник слова. Судебные его речи всегда отличались высоким психологическим интересом, развивавшимся на почве всестороннего изучения индивидуальных обстоятельств каждого данного случая». В годы учёбы Рериха Кони участвовал в Комиссии для пересмотра судебных уставов, отстаивая в своих «особых мнениях» их основные начала, ратуя за упразднение судебной власти земских начальников, за невозможность передачи полиции следственных функций. В течение нескольких лет в Юридическом обществе Петербургского университета Кони выступал с некрологами скончавшихся судебных деятелей и запечатлел в памяти слушателей образы главных деятелей судебной реформы. Особенно выдаются его речи и лекции о А.С. Пушкине, В.С. Соловьёве, А.Д. Градовском, И.А. Гончарове, графе Д.А. Милютине, «О нравственных началах уголовного процесса», «О философских воззрениях князя В.Ф. Одоевского», «О мерах борьбы с проституцией», «О французской литературе конца XIX века», о Ж.Э. Ренане, «О французском философе-поэте Ж.М. Гюйо». Естественно, что такой простор творческой эрудиции, человеколюбия и понимания самых разных сторон человеческого общества притягивали к Анатолию Фёдоровичу многих студентов, в том числе и Рериха.

Спустя полвека Рерих вспоминал, как Кони доказал «ценность» свидетельских показаний. «После «Юлия Цезаря», – пишет Рерих в листе дневника «Показания» (1943), – в Художественном театре Кони устроил анкету, чтобы свидетели, присутствовавшие при убийстве Юлия Цезаря, дали свои достоверные показания.

Следствия получились потрясающие. Посыпались всевозможные показания, противоречивые, сбивчивые, лживые. А некий свидетель даже показал, что никакого убийства вообще не было. Может быть, почтенный свидетель попросту всхрапнул к концу трагедии.

Почтенный юрист хотел предостеречь неопытных судей от легковерия. В своё время убедительный опыт, произведённый Анатолием Фёдоровичем, широко обсуждался и, надо думать, заставил кой-кого призадуматься».

Накоонец, самым значимым профессором-юристом для Рериха-студента был, конечно, *Василий Иванович Сергеевич* (1835-1911), его научный руководи-

тель во время написания зачётного выпускного сочинения «Правовое положение художников Древней Руси». Рерих многие годы хранил конспект его лекций по русским юридическим древностям. Теперь этот документ находится в Отделе рукописей ГТГ, как и многие рукописи самого Рериха на темы выпускного сочинения: «Художники времени Стоглава и Государева Иконного Терема» (датируется 20 марта 1896), «Живописное дело Древней Руси (в главнейших моментах)» (1896-1898), «Художники Древней Руси» (около 1898) и ряд других.

В.И. Сергеевич – историк права, а 1872 г. профессор кафедры истории русского права в Петербургском университете, с 1888 по 1897 г. состоял деканом юридического факультета, а с 1897 по 1899 г. – ректором Университета. По слову современника, всё, что говорил или писал Василий Иванович, одинаково отличалось свежестью и оригинальностью выводов, всегда основанных на тщательном изучении источников. Как небольшие статьи, так и большие труды его отличаются образцовым по простоте, ясности и образности литературным языком. В подкрепление своих методологических приёмов Сергеевич выпустил в свет блестящий этюд «Задача и методы государственных наук». Здесь подвергнуты беспощадной критике способы исследования немецких политических писателей, начиная с Канта, и непригодностью чисто философских или смешанных приёмов объяснено неудовлетворительное состояние государственных наук в Германии. Вслед за этим впервые для русского читателя дано сжатое изложение основных приёмов и задач позитивизма, по Конту, Миллю и Льюису. Напомним, что идеи этих авторов ещё в гимназии интересовали Рериха (он включил их сочинения в «Список первоначальных руководств для самообразования»).

К методологическим вопросам Сергеевич возвращался и позднее, но внимание его, главным образом, привлекали отдельные вопросы истории права, такие, как земские соборы, Екатерининская комиссия, договоры с греками, образование государственной территории и прочие. По каждому из этих вопросов им были высказаны мнения, с которыми должен был считаться каждый исследователь в конце XIX – начале XX века и которые до сих пор во многих отношениях остаются непоколебленными. В 1890-1896 гг. появились тома капитального труда «Русские юридические древности», представляющего собой начало новой переработки истории русского права до конца XVII века. Более чем на тысяче страниц рассмотрены территория, население и власть. Само изложение представляет ту особенность, что в тексте приведены характерные места из источников, которые и разъясняются. Почти по всем вопросам или предлагаются новые оригинальные выводы, или приводятся дополнительные соображения в пользу прежде высказанных взглядов.

Этот же стиль изложения был выбран и Рерихом при написании под руководством Сергеевича зачётного выпускного сочинения. Об этом сам Рерих писал так:

«Долго ещё немногим выше собраний материалов, сводок разбросанных известий будут попытки очерков о жизни художников древнего времени. Кто знает, когда приведётся в известность: где и что сохранилось о них?»

«Не удерживаюсь от дословного сказывания некоторых подлинников – никакой пересказ не даст такой колоритной картины, как слог самого памятника. Чем-то старым, забытым веет от этих строк; неизвестно, что значат многие слова? – Для меня они значат одно, для другого – другое, быть может, вернейшее» (предисловие к рукописи «Художники Древней Руси»).

В годы учёбы Рериха выходили в свет следующие работы его наставника: «Лекции и исследования по истории русского права», «Воспитание и обучение в наших университетах», «Новые учения в области государственного права», «Русская Правда и её списки» и другие, оказавшие решающее влияние на дальнейшую научную деятельность Рериха. «Пригодилась и Русская Правда, – вспоминал позднее художник в очерке об Университете, – и Летописи, и Стоглав, и Акты Архео-

графической Комиссии. В древней, в самой древней Руси много знаков культуры; наша древнейшая литература вовсе не так бедна, как её хотели представить западники. Но надо подойти к ней без предубеждения – научно». Этому учили своих студентов В.И. Сергеевич и другие университетские преподаватели.

Судя по студенческому дневнику, Рериху отнюдь не сразу удалось попасть к Василию Ивановичу в «дипломники». Первоначально он обращался к другим профессорам, и его тема имела несколько другой ракурс. Советовался он и со своими прежними учителями по гимназии К.И. Мая, например, с учителем истории и географии, в прошлом университетом, Александром Лаврентьевичем Липовским (1867-1942), иногда – с сокурсниками, а также с профессорами историко-филологического факультета, о которых мы расскажем ниже.

ИЗ СТУДЕНЧЕСКОГО ДНЕВНИКА НИКОЛАЯ РЕРИХА (1894-1895)

«После этюдного [класса в Академии художеств] я со Скалоном пошёл в Университет, где [мы] походили около часу по коридору², за что и получили крестики у педеля. Кабы было время, с удовольствием занялся бы я одним историко-юридическим исследованием о быте и положении первых русских художников, как приезжих, так и местных. Вопрос совсем не исследованный. Но... Сегодня после этюда вернулся до того разбитый и усталый, что ни за что не мог приняться» (20 октября 1894).

«Бершадский советует вместо «Иностранцы художники в России» взять «Права художественной собственности», но это мне слишком незнакомо, подожду Рождества, посмотрю темы на золотую медаль...» (29 ноября 1894).

«Моё университетское сочинение о художниках подошло по полицейскому праву – вот не ожидал»⁶ (7 февраля 1895).

«Вчера Александр Лаврентьевич [Липовский] обещал достать мне иллюстрации для сербского журнала «Нада» («Надежда»). Часа три обсуждали тему для сочинения. Мне весьма любопытно, было ли на русское искусство два влияния: византийское и западное, или ещё было и непосредственное восточное. Кое-где нахожу смутные указания на это» (21 февраля 1895).

«Теперь постановил себе прочитывать серьёзно по 50 страниц по Университету» (7 марта 1895).

«Кажется, славный человек Воропанов Глеб. Вчера отвели мы с ним душу. Наш разговор можно назвать «Древняя Русь»» (17 марта 1895).

«Был у [В.В.] Стасова. Удивительно странный субъект. Сперва уверил меня, что из моего сочинения ничего не выйдет, а потом: «Потолкуем, непременно приходите» (4 сентября 1895).

«В Университете мало бываю. Сочинение движется плохо» (16 ноября 1895).

Словно в подтверждение последней записи – строки из воспоминаний спустя сорок лет: «Университету, сравнительно с Академией художеств, уделялось всё же меньше времени». И далее о своих сокурсниках: «Из студентов-юристов помню Серебренницкого, Мулюкина, Захарова, но встречаться с ними в дальнейшем не пришлось. Были приглашения бывать на семинариях и в Юридическом обществе, но времени не находилось» («Университет», 1937).

Побывав единственный и последний раз на «юридической» студенческой вечеринке у Мулюкина, Рерих с недоумением и досадой о потерянном времени записал в дневнике: «То Мулюкин, то Василий Александрович [Кракау], то Михайло-натурщик, то чёрт в ступе мешали набросать хоть одну строчку. Вчера был у Мулюкина настоящий зверинец – его двоюродные братья идиоты сущие. Продержал до 12 часов, заставил плясать. Это меня-то! Умора!» (20 октября 1894). В дальнейшем Рерих старался избегать танцевальных «зверинцев».

Не находил он времени и на студенческие сходки, на поиски «запретной свободы слова», на интеллектуальный молодёжный парламент в университетском коридоре Двенадцати Петровских Коллегий» (Н.Я. Олесич). Он был слишком погружён в поиски са-

мого себя, творчество и науку. И потом – у него действительно катастрофически не хватало времени... Лишь однажды он записал в дневнике о «политических» событиях очередного 8 февраля – Дня основания Петербургского университета по Указу Петра I в 1724 г.⁷: «Скалон всё ходит на университетах сходки, по поводу безобразий 8 февраля. <...> Студенты обижены, что их полиция побилла, а я, между тем, почти сочувствую этому. Ведь надо быть дикими людьми, чтобы собираться топтать извозчика, высечь даму на улице, певцу на сцене поставить вверх ногами, броситься на несчастных <...>. Теперь они требуют наказания полиции, а небось никто не заикнётся о наказании буянов-студентов и возмещении с них убытков пострадавших ни в чём не повинных лиц. Что за такой день 8-го февраля, что тогда можно нарушать все права. И они, скоты, ещё мнят себя людьми образованными! Жаль только, что в числе побитых студентов были люди совсем невинные» (15 февраля 1895).

Здесь необходимо отметить, что единомышленников, подобных академистам Глебу Воропанову и Александру Скалону, в среде юристов у Рериха практически не было⁸. Известно лишь одно имя – *Николай Штофф*, посвятивший Рериху поэтический триптих. В 1898-1902 гг., уже после Университета, он занимался под руководством Рериха раскопками и систематизацией археологических данных Петербургской губернии в Археологическом институте⁹. Штофф оказался не только надёжным помощником Рериха на поприще археологии, но и горячим поклонником его творчества и самой личности художника, о чём свидетельствуют как стихи, так и слова посвящения: «Чужим Добром – бью челом. На память Николаю Константиновичу Рерих от уважающего его Николая Штофф, как от лица, принимавшего, хотя очень слабое, участие в этих стихотворениях». Приведём наиболее яркий, на наш взгляд, фрагмент из поэтического опуса Н.А. Штоффа:

*О, вспомни обо мне, когда земля покроет
Надломленную грудь, взмятую борьбой;
О, вспомни обо мне, когда цветок откроет
У моего креста своей венчик голубой.
Тебя мне не видать, но дух мой неизменный
Он прилетит к тебе, как друг, как брат твой верный.
Склонив свой слух к вечерней тишине,
Услышишь ты мой вздох, как будто бы во сне:
И вспомни обо мне!*

Значительно позже такие же единомышленники, как Штофф, появятся у Рериха в кругу историко-филологического факультета, где художник-учёный смог полнее выявить свои творческие устремления. Между тем, в юности его тянуло общаться больше со старшими, чем со сверстниками. То, к чему стремилась его душа, чаще было у представителей предшествующих поколений. Ровесники, устремлявшиеся к тому же, что и он, не всегда были рядом. Впоследствии, когда ему самому будет уже 67 лет, Николай Константинович объяснит своё давнее устремление к старшим так: «Спрашиваете, как мы уживались со стариками? Ведь они бывали «старые, злые и опытные». Были особые причины наших долготерпений. Ведь старики были ниточками со многим замечательным. Как же ради того и не потерпеть? Да и не все же злые! Были и добрейшие. Хороша их бывальщина – только слушай».

В течение жизни Рерих с растущей признательностью вспоминал всех, кто так или иначе «возбуждал и чеканил мысль» – встречи и беседы наедине с А.И. Куинджи, В.С. Соловьёвым, В.В. Стасовым, а позже с Леонидом Андреевым, Александром Блоком, те встречи, которые «навсегда запечатлевали мысли». Кузницей мыслей называл эти беседы Николай Константинович. Рериховская линия самообразования, самоусовершенствования и творчества не предполагала развития «напоказ», она вела «дальше от всяких больших компаний» куда-то в глубины неведомые, в высоты незримые. Николай Константинович делился своими размышлениями об этом с маститым учёным В.В. Стасовым, к которому его направил за советом профессор-юрист С.А. Бершадский: «Может быть, эта одиночная дорога и

труднее многих, но зато достигнутое именно этим путём будет попрочнее многого прочего. Если же покорно опустить голову да влиться в общее русло потока, то никто не станет собирать капли души, чтобы делать из них целебные воды, а будут лить в ушаги и мыть ими чужое грязное бельё. Ведь лучше пройти Аллах ведает какие ушелья и теснины и вынырнуть чистым и полезным источником, нежели стремиться внешним руслом и служить для поливки улиц. Так ведь, Владимир Васильевич? Ведь только работу не заплюёшь и никуда не засунешь» (письмо 2 ноября 1900).

В Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга в фонде Императорского Санкт-Петербургского университета хранится архивное дело студента юридического факультета, «сына С.-Петербургского нотариуса», Н.К. Рериха. В нём собраны документы, фиксирующие первые вехи этой «одиночной дороги». Обращает на себя внимание «Метрическое свидетельство» о крещении Николая Рериха 16 октября 1874 г. в Андреевском соборе Санкт-Петербурга при воспитанниках «воспитаннике 6-го класса Ларинской гимназии» *Александре Павловиче Коркунове* (1856-1913) и «дочери означенного нотариуса» *Лидии Рерих* (1867 – после 1931). Именно в очерке «Университет» в 1937 г. Рерих вспомнит о своём крёстном отце А.П. Коркунове, в дальнейшем окончившем курс в Медико-хирургической академии и ставшем профессором диагностики и факультетской клиники в Томском университете: «Через дядю Коркунова шли вести из медицинского мира. Звал меня в Сибирь, на Алтай. Слышались зовы к далям и вершинам – Белуха, Хан-Тенгри!».

Другой не менее важный документ в университетском архиве – это аттестат зрелости от 1 июня 1893 г. с подписями педагогов гимназии К.И. Мая, из которых значительная часть – универсанты. Таковы, например, преподаватель древних языков *Виктор Иванович Марданов* (род. 1867), преподаватели математики *Константин Михайлович Семёнов*, *Фридрих Александрович Постельс*, *Михаил Захарович Образцов* (1858-1919) и некоторые другие учителя.

Обращают на себя внимание и заявления Рериха об уплате денег за прослушанные в 1893-1897 гг. курсы с указанием фамилий лекторов и предметов чтения. Отметим тех, чьи имена ещё не были названы выше: лектор торгового права профессор *Василий Иванович Адамович* (род. 1856), преподаватель немецкого языка профессор *Федор Александрович Браун* (1862-1942), лектор семейного и паспортного права, а также гражданского судопроизводства профессор *Адольф Христианович Гольмстен* (1848-1920), лектор церковного права протоиерей *Михаил Иванович Горчаков* (1838-1910), лектор гражданского права профессор *Николай Львович Дювернуа* (1836-1906), лектор политической экономии профессор *Андрей Алексеевич Исаев* (1851-1924), лектор финансового права профессор *Василий Александрович Лебедев* (1833-1909), лектор международного права профессор *Фёдор Фёдорович Мартене* (1845-1909), профессор богословия *Василий Гаврилович Рождественский* (1839-1918) и лектор уголовного права профессор *Николай Дмитриевич Сергеевский* (1849-1908). Все эти профессора и преподаватели составляли настоящую славу Университета, были известными в России (а некоторые и за её пределами) учёными и экспертами, являлись передовыми деятелями отечественной науки и культуры.

Другие ценные бумаги из архивного дела студента Николая Рериха: формулярный список о службе отца (28 июля 1893); фотография 1893 г. с автографом Рериха; билеты об увольнении в отпуска «для поездки в город Гапсаль Эстляндской губернии» с 19 мая по 20 августа 1895 г. и «в города Европейской России до Оренбурга и Владикавказ» с 10 апреля по 1 сентября 1896 г.; отпуск удостоверения о «прослушании полного курса юридического факультета» (21 марта 1897).

В апреле 1898 г. состоялась выпускной экзамен в Государственной юридической испытательной комиссии. Накануне экзамена Рерих делился своими волнениями с профессором историко-филологического фа-

культета *Сергеем Фёдоровичем Платоновым* (1860-1933). Из письма 8 апреля 1898 г.:

«Простите, что пишу, тогда как должен был бы придти лично, но чувствую себя настолько скверно, что боюсь: приду и разревусь, как баба.

Экзамен через 3 дня, а как оказывается, знаю предмет я из рук вон плохо и недобросовестно. Если я провалюсь, мне одно останется – переключиться на исторический, – юристику более сдавать не буду. Простите, что беспокою Вас, но черкните мне, пожалуйста, строчку: можно ли это будет сделать на следующих комиссиях. За год я овладею историческим курсом, тем более что уже обладаю некоторой к нему подготовкой и придётся иметь дело с вещами, которые наполняют мою жизнь. Так что действительно можно показать некоторое развитие в данном отношении, а не шарлатанить. Зачтётся ли мне юридический курс? Можно ли надеяться?».

Эти опасения Рериха оказались напрасными, экзамен он сдал успешно.

Без сомнения, знания, полученные на юридическом факультете, пригодились Николаю Константиновичу, когда он формулировал положения международного договора, известного во всём мире как Пакт Рериха. Но до сих пор биографы Рериха мало касались вопроса о том, какие конкретно знания, полученные на юридическом факультете Университета, помогли Рериху выступить с такой ширококомасштабной правовой инициативой.

В связи с этим уместно напомнить, что в годы учёбы Рериха в Петербургском университете уже более двадцати пяти лет развивалась школа международного гуманитарного права, во главе с её основоположником Ф.Ф. Мартенсом, выдающимся юристом и общественным деятелем, автором первого в России полного руководства «Современное международное право цивилизованных народов» (1882-1883). Именно этот учебник, переведённый на основные мировые языки ещё при жизни автора, ставший во всём мире настольной книгой дипломатов, был положен в основу курса, прослушанного Рерихом весной 1897 г. в Университете. Рерих близко воспринял основные идеи Мартенса и знал его последние труды. Авторитет Фёдора Фёдоровича был непререкаем в тех вопросах, с которыми Рерих тесно соприкоснулся в своей международной деятельности спустя годы (мирное решение столкновений между странами, международный третейский суд, охрана культурных ценностей и другие). Мартенс являлся фактическим автором программы Первой Гаагской конференции мира, созванной в 1899 г. по инициативе России и положившей начало процессу разоружения и установлению правил ведения войны. Мартенс и его ученики активно участвовали в разработке основных соглашений и Второй Гаагской конференции мира 1907 г. В преамбуле и основных положениях Пакта Рериха, даже в самом его названии («Договор об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников»), «Договор в целях обеспечения уважения и охраны культурных ценностей в военное и в мирное время»), прослеживается прямая преемственность с гуманистическим наследием Мартенса и его учеников¹⁰.

Подписанный 15 апреля 1935 г. в Вашингтоне главами стран западного полушария в присутствии президента США Франклина Рузвельта, Пакт Рериха достойно продолжил традиции российской школы международного гуманитарного права, основные представители которой на рубеже XIX-XX вв. трудились в Петербургском университете. Пакт Рериха продолжает играть выдающуюся роль в деле защиты Культуры от современного варварства и мракобесия. В 1954 г. он стал ядром Гаагской конвенции о защите культурных ценностей в случае вооружённого конфликта, подписанной большинством стран мира. В тексте этой конвенции прямо указано, что руководством для её принятия явля-

ются принципы защиты культурных ценностей во время войны, установленные на гаагских конференциях мира 1899 и 1907 гг. и в Пакте Рериха. Мы можем гордиться этим, ведь упомянутые принципы были предложены петербургскими универсантами.

Примечания.

- ¹ *Их Рерих посещал во втором и третьем семестре, в течение всего 1894 г.*
- ² *Рерих посещал его курс «Русское государственное право» тогда же, когда и курс В.Н. Латкина.*
- ³ *Следует отметить, что в дореволюционные годы каждый студент составлял список курсов тех или иных лекторов самостоятельно, прилагая его к квитанции об оплате в отдельном заявлении. Обязательным для посещения было число заявленных курсов, а состав списка каждый студент мог подобрать по своему усмотрению, руководствуясь общим ходом обучения на факультете.*
- ⁴ *Этот предмет был разделён на курсе Рериха на две части. Одну часть читал В.В. Ефимов, другую – приват-доцент Николай Александрович Кремлев (1833-1910). Рерих записался к ним обоим и посещал их лекции весной и осенью 1894 г. Н.А. Кремлев – человек интересной и порой драматичной судьбы. Выпускник Казанского университета, многие годы он занимал в нём кафедру римского права. Был учредителем и первым председателем Пушкинского общества литературы и искусства. Занимал должность ректора Казанского университета, но за отказ применить репрессивные меры к студентам был вынужден подать в отставку. Позднее Кремлев был директором Демидовского лицея в Ярославле, затем стал приват-доцентом Петербургского университета.*
- ⁵ *Имеется в виду знаменитый коридор в здании Двенадцати Петровских Коллежий. Для тех, кто учился в Петербургском университете, он всю жизнь остаётся своеобразным его средоточием. Напомним известные строки Анны Андреевны Ахматовой («Поэма без героя», 1940-1962):
Коридор Петровских Коллежий
Бесконечен, гулок и прям
(Что угодно может случиться,
Но он будет упрямо сниться
Тем, кто нынче проходит там).*
- ⁶ *На юридическом факультете профессором полицейского права в то время являлся Сергей Владимирович Ведров (1855-1909). На его лекции Рерих записался дважды: весной и осенью 1894 г.*
- ⁷ *По странному «совпадению» 8 февраля родился любимец студентов Дмитрий Иванович Менделеев (1834-1907) и состоялась дуэль А.С. Пушкина.*
- ⁸ *Студенты-юристы, в будущем известные художники Иван Яковлевич Билибин (1872-1942) и Мстислав Валерианович Добужинский (1875-1957), учившиеся на других курсах в одно время с Рерихом, дружески сблизились с ним уже после Университета.*
- ⁹ *Кстати, Имп. Петербургский археологический институт уже тогда являлся фактическим филиалом историко-филологического факультета; формально же он вошёл в структуру Университета после революции.*
- ¹⁰ *Из учеников Ф.Ф. Мартенса в Университете наиболее известен его преемник на кафедре международного права профессор барон Михаил Александрович Таубе (1869-1963). Многие годы он был близок Рериху, уже в эмиграции художник советовался с ним по вопросам защиты культурного достояния. В 1920-1930-е гг. Таубе являлся профессором международного права в Гааге и одновременно председателем Французского комитета Пакта Рериха. «Недостаточно оценённый в своей стране прожил и умер Мартенс, но... нельзя сомневаться, что историческая перспектива восстановит в памяти потомства чистый и светлый облик этого великого работника на пользу человечества», – так писал барон Таубе о своём учителе в его некрологе. Имя Мартенса встречается в переписке Рериха и Таубе 1931-1933 гг.*

Поступила 12.12.2002 г.

Бондаренко Алексей Алексеевич,
Мельников Владимир Леонидович,
Музей-институт семьи Рерихов в Санкт-Петербурге